

Кроме работ на Селенге и Лене, особым отрядом экспедиции, были осуществлены археологические исследования также в районе Алари и Балаганска. Основное внимание отряда было уделено поискам и копированию замечательных наскальных рисунков на горе Хашкай около с. Нукуты, известных еще с конца XIX ст., но до сих пор не описанных и не изданных. Нисаницы эти обнаруживают черты особого стиля и могут быть разделены на две хронологические группы. Аларским отрядом также велись поиски старинных бурятских погребений, в результате которых выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство, что буряты в старицу хоронили мертвых в каменных могилах, чрезвычайно похожих на ящики плиточных могил. Однажды были обследованы также древние городища, которыми богат этот район. Как показывает найденная там керамика, городища в массе датируются курумчинским временем, т. е. относятся к I тысячелетию нашей эры и, может быть, к самому началу II тысячелетия, до проникновения на Ангару и Лену кочевников монгольского происхождения из Забайкалья. Это были укрепленные поселения племени курыканов или, по данным китайских летописей, гулиганей.

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции, развернутые в трех наиболее интересных районах, дали, таким образом, новый обширный и разнообразный материал по ранней истории республики.

Вместе с тем они показывают, что известное отставание, имевшееся в области археологического изучения территории БМАССР и соседних с ней районов, начинает преодолеваться. Работы экспедиции в 1949 и 1950 гг. должны быть только началом систематической и постоянной работы по археологии БМАССР. На очереди — археологическое обследование новых, еще совершенно не изученных в археологическом отношении районов республики, в том числе северных. Необходимы также аналогичные работы в бассейне р. Онона и в Тунке, столь важные для изучения ранней истории монгольских племен и народов вообще.

А. П. Окладников

Статуэтка «Медведицы» с о. Березани

В Археологическом музее г. Одессы среди находок с о. Березани находится весьма своеобразная терракотовая статуэтка с телом женщины и головой зверя (инв. III, оп. № 1). По сведениям М. Ф. Болтенко, статуэтка была найдена на о. Березани в 1904—1908 гг. А. Штерном. Никаких других данных о ней не имеется.

Статуэтка имеет небольшие размеры (около 6 см), сделана из тонкой, хорошо промытой, желтовато-коричневой с золотистыми блестками, повидимому, ионийской глины. Сохранность статуэтки в общем очень хорошая¹ (рис. 1).

¹ Имеется большой сбой на левом колене и несколько трещин.

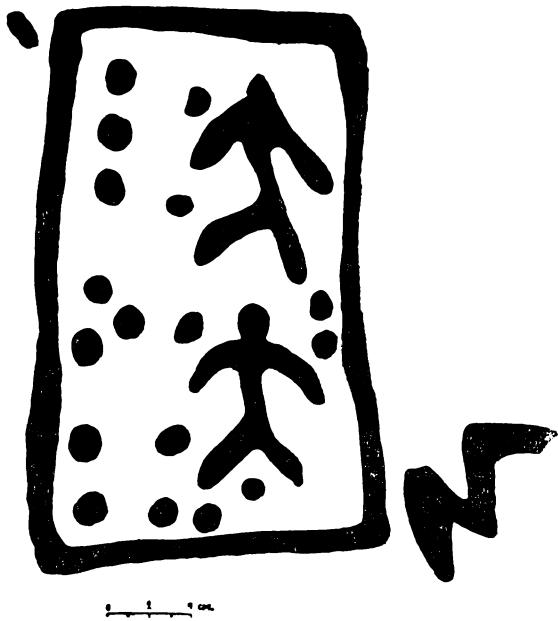

Рис. 8. Рисунок на скале. Долина Селенги.

Легко определяется дата и круг памятников, к которому принадлежит эта терракота, но ее сюжет необычен.

Статуэтка представляет собой весьма распространенный в архаический период тип сидящей на троне богини, но вместо женской головы она имеет голову зверя. Хотя

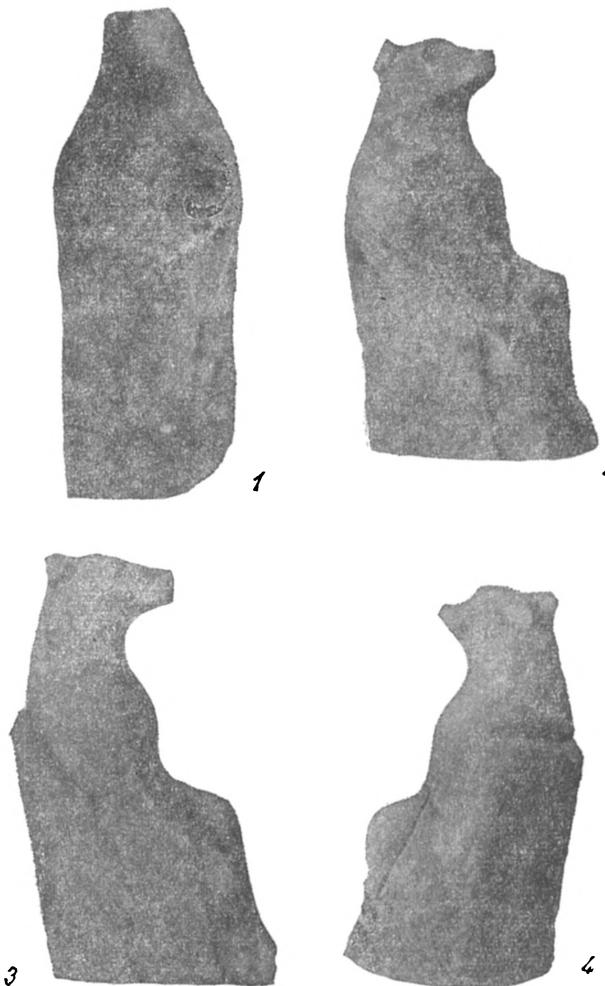

Рис. 1. Статуэтка «Медведицы».

голова исполнена очень суммарно, но ее силуэт, общие формы морды, уши и глаза явно напоминают медведя. Так изображена медвежья морда в более поздней (александрийской) карикатуре, представляющей бегство Энея с сыном и отцом из Трои.

Среди опубликованного материала терракот мне не удалось найти аналогий нашей статуэтке; надо думать, что аналогичные изображения имеются в обширном неопубликованном материале античных терракот, находящихся в музеях. Самый материал статуэтки, способ ее изготовления путем оттискивания в форме связан с большой или меньшей массовостью производства.

Наличие медвежьей головы заставляет предположить, что перед нами или посвященная Артемиде девушка, или сама богиня. Одним из распространенных культов Артемиды был кульп ее, как покровительницы охоты и диких животных; к числу самых ранних греческих изображений «восточной Артемиды» относится бронзовая пластина из Олимпии, где Артемида представлена с 2-мя львами; обычным атрибутом

Артемиды-охотницы была также лань. Впервые в этолийских, позднее в аркадских и аттических мифах Артемида связывалась с вепрем и медведем; на о. Самосе Артемида называлась *χαλφοράγος*, т. е. пожирающей кабанов, в жертву ей приносили кабанов¹.

В некоторых греческих народных культурах служение Артемиде выражалось в формах, связанных со сказаниями о медведе Артемиды. Главную часть праздника Артемиды Бравронской составляло шествие девочек (от 5 до 10 лет, по мнению других, от 10 до 15 лет) к святыни богини со жрицей во главе. Они двигались, исполняя ритуальный танец *ἀρκτεῖα*. Девочки назывались «медведицами» (*ἀρκτοῖ*); танец заключался в том, что девушки подвигались, подражая походке и движениям медведя. Во время этого праздника девочки надевали одежду шафранового цвета, возможно, заменившую прежнюю медвежью шкуру².

О происхождении этого праздника Свида рассказывает следующее: в Аттике на горе жил прирученный медведь; однажды, играя с ним, молодая девушка разозлила медведя и он сожрал ее; братья девушки убили медведя, тотчас же в Афинах появилась чума; оракул ответил афинянам, что они могут избавиться от чумы, если вместо убитого медведя, принадлежавшего Артемиде, они посвятят ей своих девушек; с этих пор ни одна девушка не выходила замуж, не побыв в течение ряда лет «медведицей», посвященной богине³.

По одному из вариантов мифа, жертвоприношение Ифигении происходило в Бравроне, и Артемида положила на алтарь не лань, а медведицу; по другому варианту Артемида превратила Ифигению в медведицу; вероятно, и сама богиня почиталась когда-то в виде медведицы. Культ Артемиды Бравронской в Афинах включил в себя культа Артемиды-Таврополы и Артемиды-Ифигении⁴. В храме Артемиды Бравронской находилось изображение Артемиды Таврической, по аттическому преданию унесенное из Тавриды Орестом и Ифигенией⁵.

При тщательном рассмотрении статуэтки обращают на себя внимание следующие детали: поверхность морды и шеи постепенно переходит в плечи и спину, но на груди по линии ключиц и около рук эта поверхность резко ломается; кроме того, по правому плечу в низком рельефе спускается полоска, которая очень похожа на висящую лапу, — эти детали позволяют предположить изображение накинутой на голову медвежьей шкуры и определить статуэтку, как образ девушки — «медведицы».

Изображает ли наша статуэтка Артемиду или служительницу ее культа «медведицу», — она является чрезвычайно важным памятником, иллюстрирующим культ Артемиды Бравронской. Единственным опубликованным изображением, намекающим на богиню-медведицу и медвежий танец девушек, является вотивное приношение — небольшая мраморная статуя, найденная в Афинах на Акрополе⁶. Статуя изображает медведицу, сидящую на задних лапах, и, судя по воспроизведению, может быть датирована IV в. до н. э. Изображение медведя редко встречается в Западной Греции. Медведи чаще изображаются на малоазийских памятниках. Мы видим медведя на рельефах памятника Гарпий, на вазе из Карпий, рельефе Кибелы⁷.

¹ Roscher, *Mythologie*, I, 1, стр. 64.

² Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПБ., 1913, стр. 231.

³ С. И. Раддиг, Романтические мотивы в поэзии Еврипида, Ярославль, 1920, стр. 29.

⁴ RE, III, 1, s. v. «Brauronia».

⁵ Там же, I, 23, 9.

⁶ Hargrison, *Mythology and Monuments of Athens*, London, 1898, рис. 26, стр. 403. Изображения медведя в греческом искусстве дает Keller, «Tiere des klassischen Altertums...» стр. 124.

⁷ Ath. Mitth., XII, V; стр. 226—234.

⁸ Th. Macridy, *Antiquités de Nation*, «Jahrb. Deutsch. Arch. Inst.», XV (1912), рис. 28.

Дата статуэтки определяется и качеством ее тонко промытой архаической глины и всей архаической ее формой. Она всецело входит в круг очень широко распространенных именно в архаическое время статуэток богини в стефане или калафе, с которого спадает на спину и плечи покрывало, и в узком, обтягивающем тело хитоне, сидящей на троне, положив руки на колени и поставив ноги на скамеечку и восходит к типу статуй милетских Бранхидов, которые датируются 2-й четвертью VI в. до н. э.¹.

Найденная этой статуэткой на о. Березани свидетельствует о существовании во 2-й половине VI в. до н. э. на о. Березани культа Артемиды Бравронской, покровительницы диких животных и расширяет наши представления о почитании Артемиды на северном побережье Черного моря, засвидетельствованном источниками в Херсонесе, Ольвии, Пантикеапее, Фанагории, на Тамани.

М. М. Кобылина

Уникальный сассанидский сосуд из-под Кунгура

Применяемая колхозами глубокая тракторная вспашка заметно повысила у нас количество случайных археологических находок, в частности, количество находок восточного серебра в Прикамье. Таково, например, происхождение замечательного Аникновского клада массивных серебряных блюд из Чердынского района, опубликованного в 1937 г. К. В. Тревер².

После Великой Отечественной войны в посмертной статье Н. А. Прошкоева³ отмечен и частью издан целый ряд находок этого рода, хранящихся в Кировском, Горьковском и Чердынском музеях, в том числе замечательная серебряная чаша из-под с. Ильинского, поступившая в Молотовский областной музей и переданная затем Эрмитажу. Наконец, А. П. Смирновым⁴ опубликован новый сассанидский золотой сосуд, найденный в 1943 г. на скопочный пункт в г. Молотове неизвестным гражданином и поступивший затем в Государственный исторический музей в Москве.

Летом 1947 г. у с. Бартыма Березовского района Молотовской области, в 35 км от г. Кунгура, плугом, пущенным на глубину 22 см, был пропорот конец ладьевидного серебряного сосуда. Однако плуг не разорвал несколько утолщенного края сосуда и, видимо, довольно долго ехал в серебряной ладье, пока подошедший бригадир колхоза остановил трактор. В конце октября сосуд был доставлен трактористом Хабиром Капизовым в Молотовский областной музей.

Сосуд имеет правильную ладьевидную форму, близкую к которой в специальных изданиях обозначается как ложчатая. Длина его 26 см, ширина 9,2 и высота 6 см. На дне—следы припая от сорванного (вероятно, при движении за плугом) овального поддона—подставки. Ширина припая 6,5—8 мм. Толщина стенок около 2 мм, минимально—несколько более 1 мм. Края округлы, толщиной в 3 мм. Наружная поверхность сосуда покрыта рельефными изображениями.

Сосуд испорчен плугом, пропорвавшим один его конец. Наружная поверхность его и часть рельефных изображений сильно поцарапана и стерта. Впрочем, все эти повреждения, если не говорить об утраченной подставке, несущественны благодаря дублированию симметрично расположенных фигур.

¹ ВДИ, 1940, 3, рис. 7; 1947, 3, рис. 2.

² К. В. Тревер. Новые сассанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937.

³ Н. А. Прошкоев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев, Кр. Сообщ. ИИМК, XII, 1946.

⁴ А. П. Смирнов. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея, ВДИ, № 1, 1946. А. П. Смирнов. Новый сассанидский золотой сосуд из Молотовской области, Кр. Сообщ. ИИМК, XIV, 1947.